

ПРОЛОГ

Ульф Черноголовый, так меня зовут здесь. Раньше у меня было другое имя, но это, пожалуй, мне больше по вкусу. Я — хирдман, то бишь дружинник Хрёрека-ярла, Инглинга¹, которого еще называют Хрёреком Соколом. Мое законное место — на пятом слева руме главного Хрёрекова драккара, тоже именуемого Соколом. Красным. Пятый рум не самое почетное место, но для меня — в самый раз, потому что весло здесь немного короче и полегче носовых, а я мужчина скромных пропорций. Если сравнивать со среднестатистическим викингом.

Что, впрочем, не мешает мне быть в норманнской среде уважаемым человеком и более того, заполучить в невесты самую красивую (кто усомнится — обижу!) девушку датского острова Сёлунд. Правит этим островом величайший из норманнских героев конунг Рагнар Лотброк, под чьим предводительством мы ныне и путешествуем. В направлении Франции. С неблагородной целью эту страну ограбить.

Лоцманом нашим в этом доходном (как мы все надеемся) предприятии работает полномочный посол аквитанского короля Пипина и сын аквитанского графа (по-ихнему — виконт) Жерар, который едва не стал причиной моей безвременной и очень неприятной смерти.

¹ Инглинги — одна из самых влиятельных и древних династий конунгов. Пра-родитель — некто Ингве Фрей, чья родословная, в свою очередь, восходит непосредственно к Одину.

Впрочем, я его не виню. Парень не виноват, что прихоть судьбы одарила меня потрясающим сходством с одним из приближенных французского короля Карла Второго, прозванного Лысым. Ну да, того самого Карла Лысого, сына Людовика Первого Благочестивого и внука Карла Великого, которого мы и собираемся обидеть.

Впрочем, не мы первые. До нас его неоднократно обижали собственные братья Лотарь и Людовик, а он, в свою очередь, тоже наобижал массу народа. Например, выше-названного Пипина, короля Аквитанского. Увы, во все времена и при любом социальном строе объем материальных благ всегда меньше, чем количество желающих эти блага заполучить. Так было и в двадцатом веке, в котором я появился на свет, так же — и в веке девятом от Рождества Христова, в коем мне дано отныне радоваться жизни.

Зато в этом легендарном времени дикого феодализма нет ни ханжеской морали, ни двойных стандартов. «Пришел — увидел — отобрал» — вот заповеди, которым следует и мой побратим-берсерк Свартхёвди Медвежонок, и христианский монарх Карл. Ничего личного, просто бизнес.

Но хватит социологии. Слева по борту — средневековая Франция.

* * *

Не обманул нас виконт Жерар, сын графа Бернара. Вывел нашу пиратскую флотилию к родному французскому берегу просто идеально. Ни одного корабля не потеряли.

А дальше наши пути разошлись. Вернее, разделились. Примерно половина северного воинства во главе с Рагнаром отправилась к устью Сены, а другая половина, водительствоваемая Бьёрном Железнобоким, поплыла к устью

Луары. Само собой, не наобум. С нами было несколько толковых лоцманов из свиты графенка.

Наш хирд присоединился к Бьёрну. Хрёрек-ярл вполне здраво рассудил, что рядом с такими драконами, как Рагнар и его сынок Ивар, нам достанутся исключительно объедки. А вот Бьёрн Рагнарсон, он мужик попроще. Кроме того, с Бьёрном отправился и Хальфдан Рагнарсон, младший сыночек Лотброка. Этот паренек тоже не промах. И хирд у него неплохой. Одна проблема: хочется парню самостоятельности. То есть работать в одном строю со старшим братом он не станет. Без крайней необходимости. Мы были не одиноки в выборе: к Бьёрнову войску присоединилась еще пара дюжин кораблей. Их экипажи — сборная солянка данов, норегов и прочих примкнувших к великому походу и подобно Хрёреку сообразивших, что вместе с Бьёрном еще не значит — под Бьёрном. А вот с папой Рагнаром точно не забалуешь.

Так вот и получилось, что, пока первая группа лихо потрошила городки и монастыри в устье Сены, мы прошли морем еще чуток и добрались до Луары. Попутно некоторые из нас сделали попытку ограбить монастырь, расположившийся на макушке здорового острова², превращавшегося в полуостров во время отлива, но только перемазались в грязюке и потеряли человек пять во время попытки без подготовки влезть на каменные стены с каменной же кручи.

— Когда встречаются жадность и глупость, у воронов — праздник, — оценил эту попытку наш кормчий Ольбард.

Мы прошли через Ла-Манш, обогнули Бретань, и наши замечательные лоцманы вывели нас к небольшой гавани городка, именуемого Ванн. Городок мы разграбили,

² Для интересующихся — монастырь на острове Мон-Сен-Мишель.

но добычу взяли невеликую. Жители попросту удрали, унеся с собой всё самое ценное. Когда я говорю «мы», то имею в виду войско в целом, а не наш хирд в частности. Хрёрек-ярл с самого начала заявил, что пожить нам не удастся. Мы шли в хвосте флотилии и могли рассчитывать лишь на жалкие объедки. Посему четыре наших драккара двинулись дальше и уже днем позже вошли в устье Луары. Первыми.

Это был серьезный бонус, потому что три быстрых драккара (кнорр, водительствоемый Хёдином Моржом, остался с основным войском) — это не огромная шумная флотилия. Скорость и скрытность — сильный козырь для таких разбойников, как мы.

Я говорю «мы», потому что такой же разбойник, как и остальные. Иначе — никак. Время такое. Или ты мирный рыбак, внезапно услышавший плеск весел и увидевший, как из утреннего тумана на тебя надвигается оскаленный деревянный дракон, или свирепый викинг, чей покрытый капельками росы шлем видит оцепеневший от ужаса бедолага за миг до того, как стрела опрокидывает его на воняющие рыбой сети.

Нас мало кто видел. А кто видел... Тому не повезло.

У нас не было местных проводников. Мы шли между камней и островов, полагаясь лишь на искусство кормчих. Мы не знали фарватер и потому, несмотря на всё мастерство Ольбарда, нам трижды приходилось стаскивать с мелей «Красного Сокола». Тем не менее мы поднялись почти на тридцать миль, не встревожив никого, кроме дюжины невезучих рыбаков, и встали на якорь в укромной протоке, отгороженной от основного русла полукилометровым зеленым островом. Наверное, это было волшебство, потому что ничем иным я не могу объяснить превращение огромных (по местным меркам) драккаров в призраки.

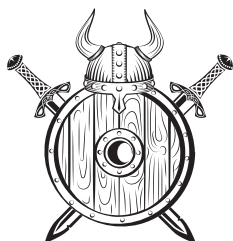
Впрочем, я так же легко могу поставить себя, скажем, на место французской крестьянки, которая, выйдя к реке сполоснуть котел из-под каши, вдруг обнаруживает скользящие мимо нее драккары. Могу представить, как она замирает в ужасе, забыв про котел (ценнейшая вещь для бедной семьи), и глядит на страшные корабли... Провожает их взглядом (если ей самой повезет остаться незамеченной), пока они не скроются за очередным мысом, а потом, спохватившись, бросается вылавливать забытый котел... И вряд ли ей кто-нибудь поверит, даже если она и расскажет об увиденном, потому что норманнские корабли на Луаре еще не стали обыденным явлением, и, поведая она мужу о том, что видела на реке библейского Левиафана, доверия к ней было бы больше.

Но вернемся к нам, славным хирдманам Хрёрека Сокола.

Мы высадились, и волшебство, увы, закончилось. Вместе с маленькой деревенькой, на беду ее обитателей расположившейся на облюбованном нами месте. Викинги — практичные люди. Они редко убивают тех, кого можно продать или использовать. Так что примерно половина жителей осталась в живых. Никто не сумел скрыться. Соревноваться в скорости с норманнами местным крестьянам даже не стоило.

Скорость — это главное. И часа не прошло с тех пор, как мы встали на якорь, а у драккаров осталось не больше полусотни викингов. Остальные, разбитые на поисковые команды, уже растекались по вожделенной земле франков, выискивая подходящую добычу: город, замок, монастырь... Словом, любое место, куда стекались материальные ценности. Быстрота, скрытность, эффективность. В драку не ввязываться. Без острой необходимости. Найти и доложить.

Искали все... Но повезло — нам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой герой встречает земляка

— Селение, — шепнул Руад. — Что будем делать, братья? Варяг говорил по-датски, чтобы молодой Скиди тоже понимал, о чем идет речь.

Я осторожно выглянул из-за кустов. Ага! Вон луг, отделенный примитивной изгородью. По лугу разбросаны серые клубки шерсти — овцы. Вон пастух... с собачкой. Ветер дует на нас, так что пока собачка не проблема. За лугом, повыше, — какие-то строения. А еще повыше... Кажется, крепость?

— Может, это Нант? — предположил Руад.

Варяг слышал об этом городе от «наших» аквитанцев. Нант, Анжер, Тур, Орлеан... Эти слова были музыкой для обветренных ушей викингов. Богатые города, набитые сокровищами церкви и монастыри... Каждый из тех, кто двинул в поход вместе с Рагнаром, был уверен, что по возвращении будет есть на золоте и спать на шелке. Мечты сбываются?

— Не думаю, что это — Нант, — произнес я, разглядывая далекие стены. — Мелковат. Но разведать не помешает.

То, что мы видели перед собой, выглядело неплохо. Мирная картина. Поля, виноградник, на лугу овцы пасутся. Чуть подальше из-за рощи не крест ли виднеется?

Хорошо бы. Крест — это здешняя церковь? Нет, скорее монастырь. Церкви не строят наособицу. Тем более что в городке, до которого по прямой меньше двух километров, тоже церковь имеется. Даже я сквозь кулак могу вполне отчетливо крест разглядеть. Прямой крест. Католический. Впрочем, других тут и нет. А монастырь — это славно. Моим братьям понравится.

Так я думал тогда, потому что не знал, что такое — норманны в монастыре. В моих мыслях были только слава и добыча, что, впрочем, для викингов — одно и то же. Показать свою доблесть, заслужить одобрение друзей и ярла, острее ощутить себя членом команды. Непобедимой команды. Ну и на выходе — вернуться и бросить к ногам моей прекрасной невесты здоровенную кучу драгметаллов. В общем, я ощущал себя великим охотником в богатом дичью лесу. А вернее было бы — мясником на бойне.

Мои товарищи изучали городок.

— Воин, — сказал Рулаф, зрение которого было получше, чем у меня. — На стене.

— Точно! — жарким шепотом поддержал Скиди. — Не меньше трех. Я видел три блеска.

— Молодец! — похвалил Руад. — Я разглядел только одного.

Скиди зарумянился от похвалы.

Только я, слепошарый, не разглядел ничего. Зато у меня работает соображалка.

— Раз они в шлемах, значит, ждут нападения.

— Да ну! — пренебрежительно фыркнул Руад. — Это же франки. Они трусливее своих овец. И глупее. Наденут коровью шкуру с нашитыми железками — и думают, что от этого стали воинами.

— Что предлагаешь?

— Давай скрадем этого трэля, — жест в сторону пастуха овечьей отары, — да все у него и выпросим.

— А собака?

— Ты убьешь ее стрелой.

Ну да, ярл назначил меня старшим, значит, мне и достанется самое интересное. То есть самое рискованное.

— А если взвизгнет?

Вон по дороге телега тащится. И пара местных оборванцев на ближайшем поле что-то возделывает.

Если они увидят меня, нехорошо получится.

«Скрытность», — нас напутствовал ярл. Найти и доложить. Никаких драк.

— Сделаем по-другому, — на правах старшего решил я. — Сейчас я сниму доспехи и подойду к пастуху без всяких хитростей.

— Так он тебя и подпустит! — усомнился Руад.

— А почему нет? Или я похож на викинга? — Я стянул с головы шлем и взлохматил волосы.

— А может — я? — вмешался Скиди.

— Ты-то как раз похож. — Четырнадцатилетний Скиди был с меня ростом, а в плечах, пожалуй, и пошире. Здоровенный громила вырастет.

Не дожидаясь, пока Руад подыщет еще какие-нибудь доводы против моей идеи, я начал разоблачаться. И уже по ходу сообразил, что если кто и способен сойти за простого земляшца в нашей компании, так это именно я. Потому что по въевшейся привычке выходца из двадцать первого века никогда не упускал случая позагорать. А вот мои друзья — нет. Потому загар у них был — ну примерно как у офисных работников. Лицо и кисти рук. Хорошенькие из них получились бы крестьяне... С бледными предплечьями и икрами.

Ну да ладно. Свернув бронь, оружие, ценности и прочее в увесистый тючок, я вручил его Скиди:

— Береги, дренг! Потеряешь — ввек не откупишься.

Паренек нагло ухмыльнулся:

— Когда тебя франки зажарят, я всё себе возьму. Хорошая будет добыча!

Хряп! Подзатыльник молодому прилетел от Руада быстрее, чем я рот открыл.

— Язык вырву! — посулил варяг.

До Скиди дошло, что мы не на пиру, и он скромно потупился. Теперь, если что пойдет не так, неудачу припишут его хулительным словам. Такие вот викинги суеверные ребята.

Я еще раз взлохматил гриву, напихал в бороду и волосы всякого растительного мусора и двинул на разведку.

Я вообще везучий. Но тут мне особенно повезло. Пастушок-раб оказался словенином. Это круче, чем вытянуть наугад из колоды пикового туза.

Мне повезло вдвойне, потому что, как выяснилось, идея моя была провальная.

Воина во мне пастушок опознал с ходу. По исподнему, которое, по крестьянским меркам, стоило целое состояние. По качественному телосложению, по манере двигаться и держаться. По ловкости, с которой я пинком устранил с дороги злобного кобеля. Словом, облажался.

На будущее надо учесть: пришибленный вид и пугливый взгляд — непереносимые атрибуты европейского простолюдина. И так просто его не изобразить. Это в Дании простой землепашец выглядит полноценным гражданином. Здесь, в слабопросвещенной Европе девятого века, простолюдин — это, по сути, тот же раб. Достоинством чуть выше навозной кучки.

Короче, если я еще раз захочу выдать себя за бедного франка, то спине надо горбить, морду прятать, руки тоже прятать, потому что по одним только мозолям во мне сразу признают не только воина, но и викинга. Ведь здешняя знать греблей себя не изнуряет. Короче, плохая была идея. Лучше бы уж я под знатного франка косил. Или нищего. Или монаха.

Кстати, о монахах. Я не ошибся насчет креста.

За ближайшим леском размещался монастырь. Аккуратно так располагался — с реки не увидишь. И вот моя третья удача. Словенин-пастушок звался Вихорьком. И он оказался рабом именно монастырским.

С виду Вихорьку было лет одиннадцать-двенадцать. И на самом деле — столько же. Ничего так мальчишка, крупный. Только тощий. В монастыре отощал. До того пацанчик, считай, в семье жил. Мать его была наложницей богатого бондаря аккуратно из того милого городка, который возвышался над окрестностями. Как попал во Францию, паренек не помнил. Продали вместе с матерью в совсем юном возрасте. От матери Вихорёк и языку словенскому выучился. Но год назад мама умерла, вернее, убили ее нехорошие люди.

И хозяин-бондарь отдал пацана монастырю. За долги.

Монахов Вихорёк ненавидел лютой ненавистью.

С чего бы это, если подумать, ведь работа у него была вроде бы нетрудная? А с того, что пареньку выпало несчастье родиться симпатичным мальчиком. Как раз таким, какие по вкусу его преосвященству (или как там его именуют) настоятелю монастыря. Вихорёк повел себя неправильно. С точки зрения настоятеля, понятно. Потому что с моей точки зрения, похотливую тварь следовало подвергнуть радикальной стерилизации. Но в тот момент меня поблизости не было, потому Вихорёк был избит

(не слишком сильно, чтобы внешность не попортить) и отправлен на исправительные работы.

В пастушки его определили недавно. Монастырскому сельхозначальнику он тоже приглянулся. Но этот нахрапом не полез: действовал лаской. Работу дал легкую, жратву подкидывал повкуснее...

Но что в лоб, что по лбу, и наученный горьким опытом Вихорёк, скорее всего, вынужден будет уступить похотливому церковнослужителю. Потому что в альтернативе может быть всё что угодно. Оскопление, отрезание языка, подземная темница. За год Вихорёк успел навидаться всякого и понимал, что легко отделался. Скажет священнослужитель, что раб поднял на него руку, — и ее отрубят. Монахи могли себе позволить пожертвовать одним рабом, чтобы добиться повиновения остальных. Тем более что рабы дешевы. Один сдохнет, другого возьмут. Вся округа у монастыря в должниках. Включая и здешнего синьора.

Всё это пастушок поведал мне минут за пятнадцать, в процессе поглощения полукилограммового куска копченого лосося, прихваченного мною для установления контакта. Слова из него сыпались со скоростью три штуки в секунду. Истосковался он по «родной речи».

Попутно Вихорёк признался, что я его здорово напугал. Парнишка решил, что я — разбойник. Угадал, однако.

Собственно, он и после употребления лососятины своего мнения не изменил. Но теперь я был уже не чужой разбойник, а *свой*. Тем более языком матери владел. Считай, почти родственник.

Разочаровывать мальчика я не стал. Пусть лучше думает, что я разбойник, чем норманн. О норманнах тут мнение — паскуднейшее. Вплоть до рогов, которые северяне прячут под шлемами. Однако после года жизни среди монахов мальчишка не то что викингов — настоящих чертей с настоящими рогами на монастырь навел бы.

Хотя для здешних жителей черти, пожалуй, посимпатичнее, чем мы. Черта, скажем, молитвой отогнать можно. Или святыми предметами. А викинга — исключительно драгметаллами. Да и то лишь после того, как он, викинг, вдосталь натешит свою страсть к убийствам, насилию и прочим деструктивным деяниям.

— А что городок? — спросил я. — Вон тот, который на пригорке? Что из себя представляет?

Городок... Вихорёк вздохнул. Там прошли счастливейшие годы его жизни. И мама была жива...

Хороший городок. Только бедный очень. Особенно теперь.

В прошлом году через речку (имелась в виду Луара) перебрались люди какого-то аквитанского рыцаря и ободрали городок вчистую. Многих убили. Маму Вихорька — тоже. Случайно. Какой-то аквитанец лошадью стоптал. Она не сразу умерла. Месяц мучилась. Бондарь даже लेकर к ней приглашал, взявши денег в долг. Она красивая была, Вихорькова матушка.

Многие тогда погибли, во время набега. Синьор тоже погиб. Вместо него сын приехал, который до того в королевской гвардии служил. Только вот золота он с собой не привез, и пришлось брать кредит в монастыре — чтоб народ с голодухи не перемер. Так что с большой долей вероятности в следующем году это будут уже монастырские земли.

Я поинтересовался, откуда такая осведомленность?

Оказалось, от тех же монахов похотливых. И от настоятеля той церковки, что в городе стоит. Это он бондарю сказал, когда матушке грехи отпускать приходил. Он хороший, настоятель. Не то что эти, в монастыре, чтоб им черт печенки выел.

Черта не обещаю, сказал я пареньку. Но если ему принципиально, кто именно будет извлекать печенку, то сам процесс организовать — очень даже реально.

Глазенки Вихорька загорелись, и мы с ним заключили пакт.

Ближе к вечеру, когда придет пора гнать отару домой, мой юный соплеменник возьмет меня в компанию. Прогуляюсь с ним до монастыря, а потом, по темному времени, вернусь обратно.

И будет нам счастье.

Осчастливив мальчика еще одним куском лососятины, я вернулся к своим и сообщил приятные новости.

Инфу о том, что поблизости имеется монастырь, мои друзья приняли с бурным восторгом. В их понимании монастырь был не обителью людей, посвятивших себя служению Богу, а местом, куда свозят золото, серебро и всякие ценные вещи.

Захлебываясь слюной, мои сопалубники принялись наперебой перечислять, какие славные вещи бывают в монастырях. Золотой кубок, инкрустированный драгоценными камнями, из которого в торжественных случаях потреблял пиво наш ярл, был далеко не самым замечательным предметом, отнятым морскими разбойниками у мирных ростошников-монахов.

Я прервал этот поток восторгов, предупредив, что вечером намерен провести глубокую рекогносцировку. Малец обеспечит прикрытие. Два пастуха с отарой куда менее заметны, чем одинокий прохожий с выправкой викинга. Однако не худо бы кому-то прямо сейчас вернуться к нашим и сообщить результаты предварительной разведки. Еще добавил, что мальчика надо отблагодарить. А вот как? Деньги я ему уже предлагал — не взял. Сказал: всё равно отберут. Такому рабу, как он, деньги не полагаются. Еще спросят, где взял. И что ему ответить? Приятель-разбойник подарил?

— Отблагодарим парня, — пообещал Руад. — Когда монастырь возьмем, его не тронем.

* * *

С «когда» мой друг варяг немного погорячился. Правильней было бы употребить слово «если».

Вот уж не думал, что монастырь может выглядеть *так*.

Какая, к чертям, «мирная обитель»!

С приличной высоты холма грозила окрестным полям и виноградникам настоящая крепость. Город, который мы с Вихорьком оставили за спиной, ей и в подметки не годился по части укреплений.

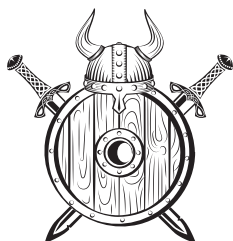
Ну еще бы! Вихорёк сказал, что земель у монастыря побольше, чем у главного графа области. Вдобавок графу никто ничего не дарит просто так, а монастырю верующие католики отдают всё лучшее. Ну и десятина, само собой. Теоретически десятина эта (если мне память не изменяет) должна была отправляться в Ватикан. Однако, судя по этим стенам, отправлялось далеко не всё. Просто так этакие укрепления не возводят. Да еще из камня.

А еще у монахов имелась стража. По словам Вихорька — более двухсот копий. И не из мирных монахов, а из вооруженных мирян. Солидно. Да и монахов списывать со счетов не стоит. Так что силы защитников надо минимум удвоить. Взять такую твердыню силами трех сотен человек? Ох, сомневаются мужики!

Ничего. Глаза боятся, руки делают.

— Меня зовут Ульф, — сообщил на прощание пастушонку. Завтра он снова выгонит овец на лужок, но не факт, что мы с ним увидимся. — А еще лучше, Вихорёк, запомни фразу: «Мой господин — Ульф Черноголовый!» — Я повторил это по-датски раза три, убедился, что паренек запомнил и воспроизводит вполне понятно, потрепал его по голове и шмыгнул в заросли.

До темноты оставалось около часа. Мне как раз хватит, чтобы в деталях изучить укрепление, прикинуть слабые места... Если они, конечно, есть.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой герой встречается с Хальфданом Рагнарсоном

— Самое слабое место франкских крепостей — это сами франки! — заявил Хрёрек-ярл. — Молодец, Ульф! Вторую долю добычи ты заработал. И если всё так, как ты изобразил, то самим нам его не взять. Тут нужно не менее тысячи воинов. Таран нужен, лестницы...

— Таран сделаем, деревьев хватает, — подал голос Ольбард. — И лестницы тоже. Но насчет тысячи воинов ты прав, — наш кормчий задумчиво поглядел на продукт моего творчества — слепленный из мокрого песка макет монастыря-крепости. — Сами, может, и возьмем, но многие наши под стенами лягут. Нам нужны союзники. Может, Бьёрн?

— Нет, — качнул головой ярл. — Нам не нужен Бьёрн, потому что мы ему не нужны.

— Точно! — поддержал Хрёрека Ульфхам Треска. — Бьёрн пошлет нас в самое опасное место, а если мы откажемся, возьмет монастырь без нас. Я бы поговорил с Хальфданом. Хальфдан Рагнарсон — человек чести. И жаждет славы. А еще у него только шесть кораблей. Без нас ему трудно будет.

— А если он сам позовет брата?

— Кто? Хальфдан? Делиться славой?..

В горячем обсуждении о взаимоотношениях братьев Рагнарсонов я не участвовал. Некомпетентен. Но — прислушивался.

Вообще-то Рагнарсоны были на редкость дружным семейством. Несмотря на амбиции и агрессивность, унаследованные от отца, братья-ярлы никогда не конфликтовали. Во всяком случае — на людях. Рожденные разными мамами и весьма отличные по темпераменту, Рагнарсоны были, безусловно, выдающимися особями породы «скандинавский викинг» и, как следствие, жуткими индивидуалистами. Но вот — не ссорились! Может, причина в папе-вожаке? А может, в той удивительной психологической гибкости, которая позволяла сотне безбашенных головорезов месяцами тесниться на узкой палубе драккара — и не вцепиться друг другу в глотки. Готов поклясться, что мои гуманные современники из техногенной эпохи в аналогичных условиях пересрались и передрались бы максимум через сутки.

Хольды спорили, но дискуссия явно клонилась в пользу Хальфдана.

Не станет младший Рагнарсон делиться славой ни с кем из братьев. С отцом — может быть. Но Лотброк вместе с основными силами сейчас далеко.

— Я буду говорить с Хальфданом, — подвел итог дискуссии ярл. — Со мной пойдет Ульф. Готовьте ялик.

* * *

Пока мы занимались своими делами, братья Рагнарсоны заканчивали грабеж Ванна. Добычу взяли невеликую. Для города. Хотя и город такой... Одно название. Ни стен толковых, ни домов солидных... Так, поселок городского типа.

Однако кое-что наскребли. И «наскребанное» следовало поделить по чести. Чем и занимался Бьёрн Железнобокий.

А его младший брат тем временем квасил с друзьями-соратниками.

Вот на этот пир мы и прибыли.

Хальфдан Рагнарсон разместился на палубе большого кнорра, который был его флагманом. Выбор судна, менее пригодного для боя, но зато намного более вместительного, явно демонстрировал отношение Хальфдана к походу. Разместился Рагнарсон с комфортом: на палубе был поставлен шатер. Судя по вытканым на нем коронованным львам и крестам, прежде сей респектабельный родственник палатки принадлежал кому-то из христианских светских лидеров.

В шатре Хальфдан был не один, а с дюжиной дружбанов и десятком «трофейных» девок.

Услыхав о том, что мы надыбали богатый монастырь, младший Рагнарсон тут же протрезвел. Выставил девок. Выгнал из шатра наиболее пьяных соратников и приготовился узнавать подробности.

От меня.

Но я не спешил. Скушал фазаново крылышко, с удовольствием приложился к чаше с вином, сырку опробовал. Благословенная земля — Франция. Конечно, пиво я тоже люблю. Но продукты виноделия — предпочитаю. По водочке тоже соскучился, но ее пока не придумали. Надо будет заняться на досуге. Самогонный аппарат — дело нехитрое. Как мне кажется...

Викинги, их было четверо, не считая нас с Хрёреком, меня не торопили. Здесь так не принято. Даже нанятый скальд, и тот сначала покушает, а потом запоет. Ну ладно, надо и совесть иметь. Я доглодал фазана, запил отменным красным и начал повествование.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
Глава первая, в которой герой встречается земляка	8
Глава вторая, в которой герой встречается с Хальфданом Рагнарсоном	17
Глава третья, в которой герой путешествует с представителями высшего норманнского общества	21
Глава четвертая. «Я победил!»	34
Глава пятая. Священная крепость франков	43
Глава шестая. Священная крепость франков (продолжение) ...	51
Глава седьмая. Норманнский бунт, безжалостный и бездоходный	83
Глава восьмая, в которой хускарл Ульф Черноголовый становится еще богаче	89
Глава девятая, в которой наш герой оказывается под стенами города Тура	105
Глава десятая, в которой герой проявляет не только доблесть, но и сообразительность	117
Глава одиннадцатая, которая начинается традиционно, грабежом, а заканчивается дальней дорогой	132
Глава двенадцатая. Ночной бой и боевые потери	140
Глава тринадцатая, в которой Ульф Черноголовый проверяет на прочность баронскую сталь	149

Глава четырнадцатая. Когда свои становятся чужими	163
Глава пятнадцатая, в которой Рагнар-конунг излагает свои планы в отношении нашего героя	177
Глава шестнадцатая, в которой герой интенсивно готовится к миссии и попутно совершает добрый поступок	183
Глава семнадцатая, в которой главный герой пробует себя в роли благородного шевалье	192
Глава восемнадцатая, в которой герой вызывает сомнения у короля и получает вызов на поединок	202
Глава девятнадцатая, в которой герой знакомится с очаровательной любовницей беллаторе Жофруа	211
Глава двадцатая, в которой выясняется, что уверенность в собственном превосходстве и расположении Всевышнего еще не гарантия победы	216
Глава двадцать первая, которая начинается с большой политики, а заканчивается смертью хорошего человека	226
Глава двадцать вторая, в которой судьба героя меняется неожиданно и кардинально	239
Глава двадцать третья, в которой герой вновь удостоивается личного допроса короля Франции	250
Глава двадцать четвертая. Тюрьма Его Величества	258
Глава двадцать пятая, в которой герой по собственной воле опускается в «чрево Парижа»	265
Глава двадцать шестая, в которой герою приходится столкнуться с таким неприятным явлением, как кровная месть	272
Глава двадцать седьмая, в которой герой упражняется в богословии и становится еще богаче	286
Глава двадцать восьмая, в которой герой, вопреки собственному желанию, отправляется на юг	293
Глава двадцать девятая, в которой пираты северных морей встречаются со своими южными коллегами	301

Глава тридцатая, в которой герой ненадолго попадает в мусульманский рай	314
Глава тридцать первая, в которой выясняется, как выглядит расположение морских богов	324
Глава тридцать вторая, в которой Рагнар Лотброк решит, что его мечта осуществилась, а хускарл Ульф Черноголовый не станет разубеждать конунга	327
Глава тридцать третья, в которой великий конунг воскресает из мертвых, а итальянцы узнают на практике, что такое норманнская клятва	340
Глава тридцать четвертая. Ловушка	350
Глава тридцать пятая, в которой герой возвращается... нет, не домой, а только во Францию	357
Глава тридцать шестая, в которой нашему герою предлагают поделиться славой	360
Глава тридцать седьмая, в которой герой видит красивый сон, впоследствии оказавшийся символическим	370
Глава тридцать восьмая. О вождах и кораблях	374
Глава тридцать девятая, в которой герой знакомится с опасностями самостоятельного плавания	380
Глава сороковая. Испытание верности	385
Эпилог	394

Литературно-художественное издание

Александр Мазин

ВИКИНГ КРОВЬ СЕВЕРА

Ответственный редактор *В. Атамашкин*
Выпускающий редактор *Г. Логвинова*
Технический редактор *Т. Ткачук*

Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 05.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.